

Олег ТАБАКОВ,
художественный руководитель МХАТ им. Чехова:

Если в работе отсутствует риск, она становится квелоЙ

Известия — 2004 — 24 янв. — с 1, 14.

Сегодня в «Табакерке» состоится премьера спектакля «Когда она умирала». Это первая постановка романа Уильяма Фолкнера, которую осуществил молодой и талантливый ученик Петра Фоменко Миндаугас Карбаускис. Вслед за этим с двух сцен, возглавляемых Олегом Табаковым, на нас обрушится целый шквал новых спектаклей. О планах, свершениях и провалах МХАТ и «Табакерки» накануне фолкнеровской премьеры с Олегом ТАБАКОВЫМ побеседовала Юлия КАНТОР.

— По какому принципу формируется репертуар МХАТ?

— Репертуар формируется по принципу талантливого литературного текста. Все, что есть талантливого, ташу сюда. Неудачи делить ни с кем не буду, а удачи — с театром. Если мы глянем на год и сезон — он был не слишком радостным: я закрыл три спектакля во МХАТе и один в «Табакерке». Потерял довольно много денег, поскольку я выступал там и в роли продюсера. Художественный результат каждой из этих работ был низким, на что кассовый театр не имеет права. А вот «Амадей», «Номер тринадцать», «Священный огонь» или «Кабала святош» идут на аншлагах. И хотя «Нули» чешского писателя Когоута и не столь бесспорны в экономическом плане, но принципиально важны с гражданской, как сказали бы раньше, точки зрения. Когоут жестко, но не жестоко, попытался сделать анализ закономерностей наших внутренних ошибок. Его интересовало, как живут люди в лагере, который перестал быть социалистическим.

— Аналитики в спектакле, по-моему, не получилось.

— Аналитика — дело не театральное... Это дело драматурга, а мы, так сказать, его представляем.

«Копенгаген» Фрейна — при очевидном отсутствии «напора» для завлечения зрителя — мне кажется важным в нашей афише: он о том, как отстаивается право быть немцами. Мы возили этот спектакль в Киев. Билеты были дорогие — 100 условных единиц. Сначала зал был битком — пришли, наверно, посмотреть, чего новенького отчебучит Табаков на этот раз. А выйдя играть спектакль после антракта, я обнаружил, что треть зрительного зала отсутствует. Разочаровались — не отчебучил... Тоже урок. Хотя оставшиеся приветствовали театр стоя.

— Для кого урок?

— Для меня и для организаторов. И для зрителей, которые ушли...

— Чего ждать от МХАТ в этом году?

— Уже есть «Осада» Гришковца, которую он сделал совместно с продюсерским центром Эдуарда Боякова. Впереди — «Мещане» в постановке Кирилла Серебренникова, «Белая гвардия», которую делает Сергей Женовач, «Тартюф» Нины Чусовой, «Вишневый сад» Адольфа Шапиро, Марина Брусникина выпустит на одной из наших сцен спектакль по произведению недавнего лауреата «Букера» Рубена Гонсале-

ЕКАТЕРИНА ЦИБЕТКОВА

са Гальего. Это режиссеры разных поколений и направлений, и мне кажется важным собрать их спектакли под одной крышей. Наверное, начнем работать над шекспировской «Бурей», которую должен ставить молодой интересный режиссер Дмитрий Черныков. На роль Просперо я хотел бы пригласить Отари Мегвинету-хуцеси, великолепного грузинского актера, который играет Креона в идущей у нас «Антигоне». На Малой сцене выйдет пьеса замечательного венгерского писателя Иштвана Эркеня «Кошки-мышки» в постановке Габора Секей. И еще одна грядущая премьера — «Количество» Кэрил Черчилль в постановке Михаила Угарова — авангардная, острая английская драматургия.

(Окончание на 14-й стр.)

Олег ТАБАКОВ, художественный руководитель МХАТ им. Чехова:

Если в работе отсутствует риск, она становится квелой

Известия — 2004 — 24 апр — с 1, 14.

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Если проследить театральную жизнь последних лет, станут очевидны предпочтения: несколько лет назад все хваталось за Островского, теперь — Горький...

— В 1995 году в «Табакерке» появились «Последние», чуть позже — «На дне». А в этом году на сцене нашего подвала, вероятно, будут «Дачники». Я начал было репетировать «Дачников» еще в прошлом году, но не получилось собрать компанию — расползлись на «халтуры». К Горькому у нас интерес долговременный, как и к Островскому. Так что за предпочтениями мы не следим. «Белая гвардия» Булгакова — знаковая работа для нас. Эта пьеса ведь когда-то вызвала к жизни целое поколение мхатовских актеров: Соколова, Хмелев, Добронравов, Яншин, Кудрявцев... Тот спектакль белой гвардии если не сочувствовал, то относился к ней с пониманием и непредвзятым вниманием. Мы, кстати, недавно поставили в «Табакерке» булгаковский же «Бег», поразивший тремя беспорными достижениями — работами Андрея Смолякова, Александра Мохова и Михаила Хомякова...

— Как вообще дела в «Табакерке», которой вы теперь заняты меньше, чем МХАТом?

— Хорошо. Миндаугас Карбаускис, на которого я возлагаю большие надежды, вслед за Фолкнером приступает к работе над чеховским «Дядей Ваней». Я вот теперь пытаюсь форсировать строительство здания для нашего подвала... А пока буквально в первые дни апреля мы начинаем играть еще и на театральной сцене

Международного Дома музыки. Там же состоится наша очередная премьера — «Идеальный муж» Оскара Уайльда Андрея Житинкина. Вернусь к «Белой гвардии» во МХАТе. Нам хочется попытаться осмыслить, что же случилось почти 90 лет назад, как мы сегодня сами относимся к тем событиям, что чувствуем.

— Это вас нынешний политический момент подтолкнул к потребности осмысления?

— Нет, не нынешний. Один мой дед — хороший пьющий слесарь Кондратий Иванович Табачков, другой, Андрей Францевич Пионтковский, — владелец огромного имения в Одесской губернии. Оба они с советской властью не сдружились. Но не во мне и моих дедах дело. Думаю, зрителям будет интересно: я уже почти полвека занимаюсь этим ремеслом и, кажется, не слишком часто зрителя разочаровывал. Меня не слишком интересует злоба дня, гораздо больше, если угодно, — «бремя страстей человеческих». Я и в «Современнике» когда-то отличался от своих гражданственных и воинственно настроенных коллег. Я все-таки сильно надеялся на свое ремесло. Мне всегда казалось, что средствами профессии могу что-то или кого-то менять.

— За довольно короткий отрезок времени вы «реанимировали» театр, в котором стыли стены. Как петербургский человек, завидую МХАТу хорошей завистью: мы в аналогичной ситуации БДТ потеряли.

— Не стану анализировать происходящее в другом театре — не

мое дело комментировать издалеку. Но если в хороший театр никто не приходит, значит, там плохо работает менеджмент. А вот если театр был замечательным, но там не стало главного режиссера и плеяды лучших артистов, пытаться выжить по инерции, только консервируя себя и собственную память, бессмысленно, и менеджмент тут уже ни при чем. Уходит время, и когда наконец приходит кто-то новый, уже поздно. Успеш-

ность собственной актерской судьбы не есть право руководить судьбами других, а умение строить свою карьеру не есть гарантия того, что ты сможешь заботиться о карьерах своих собратьев. Театр — занятие сугубо практическое. Тут требуется, как минимум, опыт, «сын ошибок трудных». Я сейчас говорю отнюдь не только и не столько о наших петербургских коллегах — говорю о москвичах. Как раз совестливый Кирилл Лав-

ров неоднократно просил освободить его от бремени ответственности руководства театром.

— Как вы думаете, у вас во МХАТе есть недовольные?

— Трудно быть недовольным, когда у тебя зарплата выросла в три раза, когда полные залы. Трудно быть недовольным, если очевидны усилия по возрождению театра. Двенадцать спектаклей за прошлый сезон, почти столько же будет в этом. Все зримо.

ЕКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

Олег Табаков и Ольга Барнет в спектакле Художественного театра «Копенгаген»